УДК 327

Манойло А. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Настоящая статья посвящена исследованию эволюции операций информационной войны (информационных операций) на новейшем отрезке их истории – с момента добровольного вхождения Крыма в состав Российской Федерации до наших дней: с того самого момента, когда под влиянием этого события у Разведывательного сообщества США появляется принципиально новая организационно-технологическая схема информационной операции, впервые проявившая себя на практике в скандале с панамскими офшорами (в «Панамском досье»).

Процедура и методы. В исследовании выдвигается гипотеза, что в англосаксонской практике информационных операций каждая последующая операция – это повторение предыдущей с добавлением одного или нескольких новых приёмов, модернизирующих прежнюю схему и делающих её ещё более опасной для противника. Для проверки этой гипотезы все операции выстраиваются в хронологическом порядке и сравниваются по девяти параметрам, изменяющимся по мере усложнения самих информационных операций, появления в их схемах и сценариях новых приёмов и уловок. По тому, как меняются эти параметры, можно отследить основные тренды и закономерности эволюции информационных операций, их схем, форм и методов реализации на современном этапе (начиная с 2016 г.).

Результаты. Гипотеза в целом подтверждается: информационные операции с течением времени действительно меняются, причём их развитие идёт по восходящей – от простых моделей к более сложным, при этом более поздние операции становятся «точкой сборки» для «лучших практик» (наиболее прогрессивных приёмов и уловок), ранее отработанных даже не в одной, а сразу в серии различных оперативных комбинаций. Вместе с тем эволюция информационных операций не всегда выглядит как одна единственная восходящая генеральная линия: на некоторых этапах эта линия начинает «ветвиться», давая несколько боковых альтернативных линий развития, которые затем в определённый момент снова сходятся в одной точке, формируя новую «генеральную линию эволюции». Именно так информационные операции в какой-то момент разделились на две параллельно эволюционирующие линии – по базовым уловкам, использующимся в схеме воздействия на противника: «ловлю на лжи» («WADA», «Скрипали I–II» и т. д.), «ловлю на приманку» («Аргентинский кокаин», «Гент», «Бутина», «Пражское дело» и т. д.), – которые затем «собрались в точке конвергенции» в операциях «Идентификация Вагнера» и «Отравление Навального».

Теоретическая и практическая значимость. Сведения о новейших формах и методах организации и проведения информационных операций могут быть использованы в работе государственных органов, отвечающих за организацию системного противодействия информационной агрессии иностранных государств, а также будут полезны политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения, политика, информационная война, гибридная война, информационная операция, оперативная комбинация, Россия, США, национальная безопасность

A. Manoilo

Lomonosov Moscow State University
Leninskye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

EVOLUTION OF INFORMATION OPERATIONS

ABSTRACT

Aim. This article is devoted to the study of the evolution of information warfare operations (information operations) in the latest segment of their history – from the moment of the voluntary entry of Crimea into the Russian Federation to the present day: from the very moment when, under the influence of this event, a fundamentally new organizational and technological scheme of the information operation was developed, which first actually used in the scandal with the Panamanian offshores (in the "Panama dossier").

Methodology. In this study, the hypothesis is put forward that in the Anglo-Saxon practice of information operations, each subsequent operation is a repetition of the previous one with the addition of one or more new techniques that modernize the previous scheme and make it even more dangerous for the enemy. To test this hypothesis, all operations are lined up in chronological order and compared according to nine parameters that change as the information operations themselves become more complex, new techniques and tricks appear in their schemes and scenarios. By the manner of changes in these parameters, it is possible to track the main trends and patterns in the evolution of information operations, their schemes, forms and methods of implementation at the present stage (since 2016).

Results. The results of the study indicate that this hypothesis is generally confirmed: information operations do change over time, and their development proceeds ascending from simple models to more complex ones, while later operations become the "assemblage point" for "best practices" (the most progressive techniques and tricks),

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

previously worked out not in one, but in a series of different operational combinations consistently. At the same time, the evolution of information operations does not always look like a single ascending general line: at some stages this line begins to "branch out", giving several lateral alternative lines of development, which, then, at a certain moment again converge at one point, forming a new "general line of evolution ". This is how information operations at some point split into two parallel evolving lines – according to the basic tricks used in the scheme of influencing the enemy: "I spot your lies" ("WADA", "Skripali I–II", etc.), "I fish with bait" ("Argentinean cocaine", "Gent", "Butina"," Prague case", etc.), which then "gathered at the point of convergence" in the "Wagner identification" and "Navalny poisoning" operations.

Research implications. Information about the latest forms and methods of organizing and conducting information operations can be used in the work of state bodies responsible for organizing a systemic counteraction to information aggression of foreign states, and will also be useful to political scientists, political strategists and specialists in countering destructive political technologies.

KEYWORDS

international relations, politics, information war, hybrid war, information operation, operational combination, Russia, USA, national security

ВВЕДЕНИЕ

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (ставшего отправной точкой для появления новых форм и методов информационной агрессии) информационные операции, проводимые США и их военно-политическими союзниками (в основном Великобританией и Германией), прошли определённый путь развития. Начало этому пути положило т. н. «Панамское досье» – скандал с панамскими офшорами (конец 2015–2016 гг.), в котором впервые была использована новая – итерационная – схема информационно-психологического воздействия, состоящая из последовательности вбросов, разделённых периодами «тишины» (экспозиции) и объединённых в многократно повторяющиеся итерационные циклы (каскады). В дальнейшем все без исключения информационные операции будут проводиться спецслужбами США по одному и тому же шаблону (стандартной схеме), впервые проявившему себя в 2016 г. в скандале с «панамскими бумагами» («Panama papiers»). Появление этой схемы стало сигналом перевода «производства» информационных операций на промышленную (конвейерную) основу; одновременно разработка и реализация операций информационной войны [7] перестали быть уделом отельных элитных групп гениев от разведки и были поставлены на поток, а сами операции стали продуктом массового (промышленного) производства по одной и той же схеме [4].

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА

МЕТОДИКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В данном исследовании выдвигается гипотеза, что в англосаксонской практике информационных операций каждая последующая операция –

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

это повторение предыдущей с добавлением одного или нескольких новых приёмов, модернизирующих прежнюю схему и делающих её ещё более опасной для противника.

Для проверки этой гипотезы все операции выстраиваются в хронологическом порядке и сравниваются по определённым параметрам, которые меняются по мере усложнения самих информационных операций, появления новых приёмов и уловок. Таких параметров – девять:

– схема операции;
– структура и содержание вброса;
– цель операции;
– структура и характер обвинений;
– свидетель обвинения;
– угроза жизни и здоровью главного свидетеля обвинения;
– особые технологические приёмы;
– вид и форма легализации оперативной информации;
– главный (революционный) технологический приём операции.

По тому, как меняются эти параметры, можно отследить основные тренды и закономерности эволюции информационных операций, их схем, форм и методов реализации на современном этапе (начиная с 2015 г.).

«ПАНАМСКОЕ ДОСЬЕ» (2015–2016 ГГ.)

Помимо новой организационно-технологической итерационной схемы операции, уже упомянутой во введении к настоящей статье, в «Панамском досье» были использованы и другие революционные приёмы:

– легализация оперативной информации (контролируемая утечка), построенная по классической схеме: кража – обнаружение – опубликование;

– предварительное анонсирование содержания и даты следующего вброса (т. н. преданонс), ставшее «визитной карточкой» практически всех без исключения информационных операций нового типа;

– кража как механизм попадания конфиденциальной информации в публичное пространство (согласно легенде «панамские материалы» были украдены у панамской юридической компании «Mossack Fonseca» агентами германской разведки БНД);

– «журналисты-расследователи», выступающие в роли агентов по легализации информации, полученной от спецслужб (т. н. «Международный консорциум журналистов-расследователей»);

– «трансформаторный эффект» – технология, в которой глава государства, которого считают главным объектом информационной операции, внезапно публично открещивается от всех обвинений в свой адрес, перенаправляя (зеркально отражая с многократным усилением – «кумулятивным эффектом») поток внешней информационной агрессии на своё ближайшее

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

окружение (замешанное в тех же делах, в которых обвиняют главу государства); тем самым он отводит удар от себя, но при этом подставляет под удар своё ближайшее окружение, рассчитывавшее на его защиту и надеявшееся «отсидеться» за его «спиной».

Эти приёмы в совокупности и задали контуры современной операции информационной войны, в пределах которых затем получили своё развитие такие крупные операции, как «Дело Скрипалей», допинговый скандал с WADA (2015–2018 гг.), аргентинское кокаиновое дело (2018 г.) и др. С этого момента стало понятно, что, как бы ни пытался лидер другого государства скрыться от информационных атак, его всё равно достанут или сделают так, что его же собственное окружение «сдаст» его организаторам операции в обмен на определённые гарантии лично себе.

Технической целью «Панамского досье» стало стремление заставить фигурантов скандала публично оправдываться, врать и извиваться – для того, чтобы убедить всех в том, что они – мошенники («наклеить» на них «ярлык»). Методом достижения указанной цели стала травля, которой были подвергнуты фигуранты скандала после опубликования и раскрутки в СМИ соответствующих компрометирующих материалов. Не все эту травлю выдержали: так, премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку. В свою очередь, травля и прессинг создали в отношении многих фигурантов дела – как уже «разоблачённых» инициаторами скандала, так и тех, чьё «разоблачение» было сознательно отложено на потом – вербовочную ситуацию, в которой чиновник, подцепленный на компромате, мог быть завербован на зависимости (под угрозой компрометации). Тем самым достигалась главная цель любой информационной войны – обеспечение добровольного (в идеале) или вынужденного подчинения противника.

Дальнейшая эволюция форм и методов организации и проведения информационных операций связана с последовательной модификацией исходной схемы путём добавления новых приёмов и уловок, способных «зацепить» жертву и вынудить её совершить необдуманные действия, ведущие к её дискредитации. Каждая новая операция добавляет в исходную схему что-то новое (новые технологические решения), оставляя при этом неизменной её базовую часть, по-прежнему представляющую собой последовательность информационных вбросов, разделённых тактическими паузами («периодами тишины»). Таким образом, с каждой новой операцией (с каждой новой модификацией) её технологическая схема становится всё более продвинутой.

Последовательность таких модификаций представлена на рис. 1–8. В этой цепи каждая новая операция является слепком с «Панамского досье», в схему которого добавлены новые элементы.

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Рис. 1 / Fig. 1. Эволюция информационных операций. «Панамское досье» – «Скрипали-II» / Evolution of information operations. "Panama papiers" – "Skripali-II"

АРГЕНТИНСКИЙ КОКАИН (ФЕВРАЛЬ–МАРТ 2018 Г.)

В данной операции – всё как в «Скрипалях-I» и «Скрипалях-II»: вброс – реакция – коррекция – новый вброс (рис. 2). Американские спецслужбы (действовавшие за спиной аргентинских спецслужб) грамотно «засветили» крупную партию кокаина и стали ждать, кто прилетит её «спасать»; кто именно прилетит, заранее не знали, но надеялись выманить на эту приманку кого-нибудь посущественнее; предполагали, что партию стоимостью 50 млн евро просто так никто не бросит – за ней обязательно приедут, будет попытка её спасти. Очень быстро выясняется, что кокаин вывозили под видом дипломатической почты бортами военно-транспортной авиации ВС РФ, а следовательно, в деле были замешаны, предположительно, высокопоставленные чиновники и дипломаты, близкие к руководству РФ. Далее скандал начинает развиваться по сценарию, отработанному в «допинговом скандале с WADA»: на этот раз уже МИД РФ обвиняют в организации наркотрафика (причём не куда-нибудь, а в Европу) и создании ОПГ. Предпринимается попытка поставить знак равенства между российским внешнеполитическим ведомством и наркокартелем. Всё это как две капли воды похоже на историю с допингом, когда руководство России обвинили в создании в стране нелегальной «государственной программы поддержки допинга» (очевидно, незаконной) и в организации ОПС (организованного преступного сообщества).

Однако в отличие от классической схемы операции, «засвеченной» в «Панамском досье», в «Деле об аргентинском кокаине» появляется новый приём: «ловля на приманку». Если в «Панамском досье», «Допинговом скандале с WADA» [1] и «Скрипалях-I» информационная атака направлена на кон-

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Рис. 2 / Fig. 2. Эволюция информационных операций. «Аргентинский кокаин» – «Дело Марии Бутиной» / Evolution of information operations. "Argentine Cocaine" – "The Maria Butina Case"

кретных людей (Президента РФ и конкретных лиц из его ближайшего окружения), то в «Аргентинском кокаине» в основу оперативной комбинации положен диаметрально другой принцип: неважно, кто прилетит на приманку, важно, что кто-нибудь обязательно в эту ловушку попадётся. И этот кто-то обязательно будет из ближнего круга Президента РФ, из числа его доверенных лиц. Кто именно? Неважно. Годится любой. Лишь бы попался.

Этот же приём «ловли на живца» будет в дальнейшем использован в «Деле Марии Бутиной» (рис. 2).

«ДЕЛО СКРИПАЛЕЙ», I ЭТАП (МАРТ 2018 Г.)

Следующим этапом «гибридизации» [2; 3] технологий и схем информационных операций становится знаменитое «Дело Скрипалей» – стратегическая операция американской и британской разведки [6], активная фаза которой пришлась на 2018 (два этапа, каждый содержит 4 вброса и 4 паузы), 2019 (пять самостоятельно отработанных эпизодов) и 2020 гг. (один ключевой эпизод – скандал о связи российской военной разведки с афганскими талибами, убивавшими за деньги американских солдат). В этой операции, в целом повторяющей схему «Панамского досье» и «допингового скандала с WADA», тем не менее, появляется сразу несколько новых, революционных по своей сути технологических решений.

Первый этап «Дела Скрипалей» (март 2018 г.) выстраивается вокруг инцидента, произошедшего в Солсбери 4 марта 2018 г. (см. рис. 1). Он же обеспечивает первичную фокусировку внимания граждан Великобритании и всего мирового сообщества в целом на версии об отравлении агентами ГРУ

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

своего бывшего сослуживца, завербованного МИ-6: с самого начала речь идёт о резонансном террористическом акте, совершённом присланными ГРУ наёмными убийцами (хотя криминальная полиция Великобритании имеет на этот счёт другое мнение, возбудив дело по сугубо криминальному составу – по факту покушения на убийство двух и более лиц). Освещение инцидента и хода расследования официальными лицами британской полиции и разведки, а затем и политиками высокого ранга (в ходе которого три раза происходит вброс уточняющей информации об инциденте и его интерпретации) быстро приобретает формат реалити-шоу, за ходом которого увлечённо наблюдает стремительно растущая аудитория западных зрителей. При этом обвинения в адрес России формируются в ходе самой оперативной игры, а наблюдающей за развитием реалити-шоу аудитории предоставляется право самой пройти весь путь в «установлении и доказывании вины России» – от «несчастного случая» до химической атаки и применения ОМУ против мирных британских граждан.

В точке кульминации тогдашний премьер-министр Т. Мэй фактически призывает признать руководство Российской Федерации военными преступниками или такими же террористами, как лидер «Аум Сенрикё» С. Асахара или С. Хусейн (применявшими химическое оружие против мирных граждан), и выдвигает в адрес России ультиматум. Это и становится отличительными чертами первого этапа операции:

– пошаговое изменение сознания и отношения граждан Великобритании к инциденту («игра с пошаговым повышением ставок»);

– ультиматум (прямой шантаж) со стороны Т. Мэй в адрес российского руководства;

– реальная попытка убийства с применением необычного орудия убийства («новичок»).

Данный этап «Дела Скрипалей» открывает в практике информационных операций две новых линии:

– политических убийств (включая обвинения в их совершении);

– прямого шантажа и выдвижения ультиматумов.

Ни в одной из предыдущих операций («Панамское досье», «WADA») таких приёмов не было. Тем не менее в последующих операциях, проводимых США, эти линии получат дальнейшее развитие как в связке, так и независимо друг от друга.

В данной операции впервые (в практике современных информационных операций) применяется тактический приём, известный как «игра с пошаговым повышением ставок» – это особая технология изменения сознания, основанная на модификации образа инцидента путём последовательного (пошагового), незаметного для сознания изменения отношения к нему (путём вброса дезинформации отдельными мелкими порциями). В «Деле Скрипалей» также впервые появляются «сакральные жертвы», которыми

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Рис. 3. / Fig. 3. Эволюция информационных операций. «Бельгийский кокаин» – «Выборы в Интерпол-2018» / Evolution of information operations. "Belgian Cocaine" – "Elections to Interpol-2018"

становятся объект покушения – Сергей Скрипаль, возможно, в будущем намеревающийся стать главным свидетелем обвинения, и его дочь, случайно оказавшаяся рядом.

В свою очередь, появление этих линий наглядно демонстрирует, что информационные операции, проводимые спецслужбами, – это совсем не классические информационные кампании, основанные на взрывном пиаре и спецэффектах; это – оперативные комбинации, в реализации которых главную роль играют классические методы агентурной, оперативной, оперативно-технической и оперативно-розыскной работ.

«ДЕЛО СКРИПАЛЕЙ», II ЭТАП (СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ 2018 Г.)

Во втором этапе операции (начавшемся 5 сентября 2018 г.) в организационно-техническом плане – всё то же, что в «Панамском досье» и Скрипалях-I: 4 вброса, 4 паузы; идеально отработана схема «вброс – опровержение (со стороны официальных лиц РФ, задетых выпадами в свой адрес) – разоблачение лжи этих лиц новыми вбрасываемыми "фактами"». В режиме пинг-понга [8] отработан приём «ловля на лжи»: стоит только «высунуться» кому-нибудь из российских официальных лиц со своим неосторожным заявлением – его тут же ловят на многочисленных нестыковках (которым он, конечно, в порыве эмоционального возбуждения, отягощённого эффектом «туннельного зрения», не придаёт должного значения) и подвергают публичной «порке» (см. рис. 1).

Сюжет с отравлением Скрипалей заново закручивается после вброса уточняющей информации о фигурантах инцидента (А. Петров, Р. Боширов),

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

их действиях, намерениях и мотивах. Петров и Боширов не только становятся движками-аниматорами данной истории, они ещё и персонифицируют «зло», поразившее Скрипалей: благодаря им «зло» приобретает реальные очертания. Западной аудитории предлагается ненавидеть не абстрактный образ малоизвестного простым западным обывателям ГРУ, а конкретных лиц (записанных в «наёмные убийцы») – что психологически проще. Благодаря появлению в спектакле «актёров» скандал вокруг отравления Скрипалей становится «продуктом массового потребления»: он легко «продаётся» западной аудитории обычными методами политического маркетинга. Сама же «ловля Петрова и Боширова» превращает инцидент в сериал, в «мыльную оперу». Сверхцелью второго этапа операции становится дискредитация Президента РФ: убеждение всех вокруг в том, что В. В. Путин лжёт, выгораживая себя, потому что испугался наказания. Для Президента РФ это уже третье по счёту обвинение, выдвигаемое в его адрес: в 2016 г. – мошенничество с офшорами и «отмывание» денег («Панамское досье»); в 2016–2018 гг. – организация преступного сообщества с целью государственной поддержки тайной допинговой программы («Допинговый скандал с WADA») и в 2018 г. – обвинение в организации политического убийства («Дело Скрипалей»). Видно, что с течением времени обвинения в его адрес становятся всё более тяжкими, в них фигурируют всё более тяжкие составы преступлений.

На данном этапе операции впервые применяется тактический приём, известный под названием «Загонная охота» — это системно организованная травля руководства РФ, якобы причастного к «химической атаке» в Солсбери, путём принуждения их к следованию по линии «красных флажков», выставленных «загонщиками» (организаторами «загонной охоты»). На данном этапе операции применение этой технологии имеет целью загнать статусного чиновника в угол и заставить его во всём признаться (или начать оправдываться, многократно попадаясь на нестыковках и лжи). Кроме того, на ГРУ впервые «наклеивается ярлык» международной преступной организации, осуществляющей политические убийства за рубежом. И впервые в скандал втягивается сам Президент РФ, которого фактически вынудили на Восточном экономическом форуме поручиться за Петрова и Боширова («всё о них знаем, они гражданские») и затем загнали его в ловушку (а фактически «поймали на лжи»).

Для легализации вбрасываемой информации, часть которой напрямую является разведданными спецслужб, полученными оперативным путём, используются технологии «контролируемой утечки», причём как в виде заявлений от имени официальных лиц (как в Скрипалях-I), так и в виде публикации «сенсационных разоблачений» в СМИ и на сайтах сообществ «журналистов-расследователей» Bellingcat, Insider, Der Spiegel (как в «Панамском досье»). Т. е. комбинированно.

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СКРИПАЛИ, III ЭТАП (ТАКТИКА УДУШЕНИЯ, 2019 Г.): ПЕТЛЯ АНАКОНДЫ; ОПЕРАТИВНАЯ РАЗРАБОТКА ГРУ, ВЫДЕЛЕНИЕ ГРУ В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Этот этап операции «Дела Скрипалей» принципиально отличается от двух предыдущих этапов – и в плане тактики, и в плане технологий (см. рис. 4). В этой части операции, занявшей весь 2019 г., появляются сразу несколько революционных технологических решений: тактика «последовательного» (пошагового) «удушения» противника (т. н. «Петля анаконды») путём «затягивания удавки на его шее»; конвергентная тактика «сборки» серии самостоятельно отработанных эпизодов в единую «историю» (в полностью сформированное обвинительное заключение, основанное на этих самых эпизодах, выстроенных в одну логическую цепь рассуждений и доводов) и, наконец, активное применение методов оперативной-разведывательной и агентурной деятельности, выдвигающихся в этой фазе операции на передний план. В этом смысле третий этап «дела Скрипалей» больше всего напоминает классическую деятельность разведки – даже больше, чем ловушка («оперативная подстава»), в которую удалось заманить Петрова и Боширова. Значительная часть оперативной информации, легализуемой разведкой через СМИ и различные сайты журналистов-расследователей, получена в результате «оперативной установки» – специальной разведывательной операции, являющейся наряду с «контролируемой утечкой» основным инструментом профессиональной деятельности именно спецслужб.

Стратегия третьего этапа операции «Дела Скрипалей» заключается в последовательной отработке внешне не связанных между собой пяти раз-

Рис. 4 / Fig. 4. Эволюция информационных операций. «Скрипали III-IV» / Evolution of information operations. "Skripali III-IV"

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

личных эпизодов – с тем, чтобы в «час Х» собрать их вместе вокруг шестого эпизода («точки сборки») в полностью сформированное, целостное и аргументированное обвинительное заключение в адрес РФ и его руководства. Доказательной базой этого обвинения должны стать пять заранее отработанных следствием эпизодов, собранные в единое целое (в одну историю преступной деятельности стороны, в адрес которой выдвигается обвинение). Результатом реализации этой стратегии должно стать обвинительное заключение, возникшее внезапно (фактически из ниоткуда) и ставшее полной неожиданностью для тех, кого в нём обвиняют. Общественности же объяснят, что обвинение стало очевидным, как только удалось собрать вместе (в рамках одного вновь открытого дела) и сопоставить те самые пять эпизодов, которые прежде рассматривались по отдельности.

Цель операции – медленное, постепенное затягивание «удавки» «на шее» руководства РФ путём независимой отработки шести различных эпизодов, внешне не связанных между собой, но способных собраться в одну логическую схему в заранее намеченной организаторами операции «точке сборки». Ключевой линией в реализации данного этапа операции становятся оперативная разработка ГРУ (как спецслужбы и «международной террористической организации») и выделение ГРУ в отдельное производство (в отдельную линию следствия).

Вместе с тем новая тактика «сборки» полностью вписывается в базовую схему американской операции, состоящей из последовательности вбросов и пауз: каждый отрабатываемый эпизод – это именно серия вбросов, выстроенная в последовательность (в цепочку) так, как этого требуют новейшие технологии ведения информационной войны. Просто в данном случае в рамках всей операции (длившейся весь 2019 г.) эти вбросы поделены на кластеры – по числу отрабатываемых эпизодов. Ни в одном из эпизодов противника не ставят на колени – ему лишь наносят ещё один чувствительный удар оттуда, откуда он не ожидает. Главный же удар наносится в тот момент, когда все эпизоды – «по щелчку» – вдруг выстраиваются в одно полностью сформированное обвинительное заключение (как в конструкторе), которое и даёт кумулятивный эффект, мощный и неожиданный для противника.

«ПРАЖСКОЕ ДЕЛО» (2020 Г., ТРЁХХОДОВАЯ ОПЕРАТИВНАЯ КОМБИНАЦИЯ): СИНДРОМ СКРИПАЛЯ («СОЛСБЕРЕЦКАЯ МАТРИЦА»), «ЛОВЛЯ НА ПРИМАНКУ» (СНОС ПАМЯТНИКА МАРШАЛУ И. С. КОНЕВУ)

Данная информационная операция представляет собой трёхходовую оперативную комбинацию, разыгранную иностранными разведками (американской и чешской) по сценарию, детально отработанному ещё в 2018 г. в Солсбери («Солсберецкая матрица»), получившему своё дальнейшее развитие во время выборов в Интерпол в 2018 г. (в форме т. н. «Скрипальского синдрома»).

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Цель операции – обвинить Россию в том, что она намерена продолжать практику «отравлений» противников режима за рубежом (как это было со Скрипалями в Солсбери); на этот раз «жертвой отравителей из ГРУ» стала Прага.

Замысел операции – вывести кого-нибудь из высокопоставленных лиц РФ «на эмоции» в связи с резонансным публичным оскорблением, нанесённым Российской Федерации, – сносом в Праге памятника маршалу И. С. Коневу, спровоцировать их на резкие публичные заявления в адрес инициаторов уничтожения памятника, которые при желании можно было бы интерпретировать как угрозы личной расправы, и затем «захлопнуть ловушку», сделав вброс о прибытии в Прагу российского дипломата с рицином (сильнодействующий яд), которым, предположительно, и будут «наказаны» виновники скандала (их попытаются отравить, как Скрипалей, только на этот раз без осечки). В этот момент в дело вступает «Скрипальский синдром» (когда в любой попытке покушения с помощью отравляющих веществ западное общество видит повторение трагедии в Солсбери и «руку российских спецслужб»). Памятник же Коневу и его снос – это та самая «приманка», на которую должны клюнуть высокопоставленные чиновники РФ. У организаторов этой оперативной игры была полная уверенность, что такие чиновники в РФ найдутся обязательно (и обязательно «клюнут»), так как дело казалось «верным» (простым и понятным): циничный снос памятника маршалу-освободителю Праги, «втоптанная в грязь историческая память в угоду преклонения перед нацистами» – что может быть проще? Здесь нет и не может быть никакого «двойного дна». Поэтому и высказаться можно эмоционально и радикально категорично. Попутно пообещав, что если «чехи забыли, кто их освободил, то можем освободить и второй раз».

Операция была реализована в три хода:

– в предельно циничной и оскорбительной форме снесли памятник И. С. Коневу (выставили «приманку»);

– дождались, когда целый ряд российских официальных лиц высшего ранга и их официальных представителей выскажется по этому поводу, пообещав «всех, виновных в этом инциденте, поимённо, найти и наказать»;

– и затем вбросили информацию о прибытии в Прагу российского дипломата («человека с дипломатическим паспортом»), привёзшего в российское посольство большую дозу рицина (которым, видимо, и будут «наказывать» виновных).

Трёхходовка по своему замыслу – не сложнее детской игры; но на неё все «купились». Отдельного внимания заслуживает использование разработчиками комбинации в качестве механизма «выведения на эмоции» российских чиновников фактора публичного оскорбления исторической памяти (для нынешней российской чиновничьей конъюнктуры это – точно рассчитанный удар по больному месту).

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Рис. 5 / Fig. 5. Эволюция информационных операций. «Скрипали-V» – «Идентификация Вагнера» / Evolution of information operations. "Skripali-V" – "Wagner's Identification"

СКРИПАЛИ, V ЭТАП (2020 Г.): КОНВЕРГЕНЦИЯ. ТОЧКА СБОРКИ: «ГРУ УБИВАЕТ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ»

«Конвергенция»[1] на русский язык переводится как «сходимость». Это и есть та самая «точка сборки» – ключевой эпизод или инфоповод, вокруг которого и должны выстроиться все предыдущие эпизоды, сформировав тем самым одну «историю» и одно обвинительное заключение. Именно этот эпизод и появляется в июне 2020 г. в публикации «The New York Times», утверждающей, что «российская военная разведка платила талибам в Афганистане за убийства американских солдат» (см. рис. 5).

Замысел операции таков:

1. Обвинение ГРУ в том, что оно платит талибам за скальпы американских солдат («The New York Times», Афганистан, 2020 г.);

2. Вокруг расследования о деятельности ГРУ в Афганистане собираются все эпизоды дела «Скрипали-III»;

3. ГРУ – «международная террористическая организация», убивающая американских солдат;

4. Руководители ГРУ, МО и Президент РФ – «лидеры террористов», подлежащие международному уголовному преследованию.

Цель операции – признать ГРУ «международной террористической организацией», а руководителей ГРУ, МО и, возможно, даже главу РФ – «лидерами или пособниками террористов», подлежащими международному уголовному преследованию (как минимум).

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

[1] (от лат. convergo – приближаюсь, схожусь) – прим. ред.

Рис. 6 / Fig. 6. Эволюция информационных операций. «Отравление Навального» – «Вакцина COVID-19» / Evolution of information operations. "Navalny's poisoning" – "COVID-19 vaccine"

Главных (революционных) технологических приёмов здесь как минимум два:

– во-первых, это новая конвергентная технология «сборки» серии отдельных самостоятельно отработанных эпизодов в одну «историю» (в полностью готовое и оформленное обвинительное заключение);

– во-вторых, это фокусирование всех обвинений вокруг личности Президента РФ: объявление его «пособником террористов, убивающих американских солдат» (через признание ГРУ «террористической организацией») и подведение его под действие «USA Freedom Act».

Впоследствии ещё одной точкой сборки (включив в контур «загонной охоты» обвинение во «внутреннем терроризме») станет «Дело об отравлении Навального» (рис. 6).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВАГНЕРА: КОМБИНАЦИЯ «ЛОВЛИ НА ЖИВЦА» (КАК В «АРГЕНТИНСКОМ КОКАИНЕ») И «ЗАГОННОЙ ОХОТЫ» (КАК В СКРИПАЛЯХ-II)

В этой операции (см. рис. 5) – всё, как в «Аргентинском кокаине» (захват «груза» с публичной засветкой в СМИ и обещанием его быстрой оперативной реализации – передачи СБУ), но есть особенности:

– приманка: 33 боевика ЧВК Вагнер (из них – минимум 8 бывших граждан Украины, 1 – гражданин Беларуси);

– ультиматум руководству РФ: А. Лукашенко угрожает выдать 28 чел. Украине (где к ним получат доступ следователи ФБР);

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

– о канале переброски бойцов Вагнера на БВ давно знали как белорусский КГБ, так и ЦРУ – знали и наблюдали, как в случае с аргентинским кокаином;

– обе спецслужбы ждали, когда по каналу пойдёт группа, состоящая в основном из бывших граждан Украины, воевавших на Донбассе; и когда такая группа пошла – её «прихлопнули»;

– сама договорённость о захвате группы «вагнеровцев», вероятнее всего, была достигнута между Лукашенко и Помпео на встрече в Минске 1 февраля 2020 г.[2].

Цель операции – компрометация Президента РФ: предполагалось, что после ультиматума А. Лукашенко он будет вынужден:

– либо срочно «вытаскивать» их из Минска (любой ценой), рискуя быть засвеченным и скомпрометированным (как в Аргентинском кокаине, «спасать» который прилетел Н. Патрушев);

– либо допустить их выдачу СБУ и получить обвинения в том, что в сложной ситуации «сдали своих», даже не попытавшись их «отбить», и в том, что Путин использует наёмников (наёмничество – вне закона, это тяжкое уголовное преступление).

Тем самым Президента РФ попытались загнать в ловушку, создав для него «вилку» из двух вариантов реагирования на ситуацию, каждый из которых исключительно для него опасен («оба хуже»).

Структура обвинений в адрес РФ также проста и понятна:

– В. В. Путин использует наёмников;

– группа наёмников, захваченная КГБ Беларуси, прибыла в страну для организации госпереворота.

Свидетелей обвинения нет, но допускается, что главным свидетелем обвинения, возможно, станет кто-нибудь из захваченных «вагнеровцев», готовый дать показания против своих (и тогда он сыграет роль «Родченкова № 2»).

Главные технологические приёмы, присутствующие в данной операции:

1. «ловля на живца» (таких живцов в данной операции аж 32 – это тоже новый приём; прежде ловили на «живца» в единственном экземпляре – на М. Бутину);

2. ультиматум, предъявленный Лукашенко Путину (выдать вагнеровцев СБУ), поставил второго в положение цугцванга (как в «Скрипалях-II»);

3. комбинация трёх приемов (уловок), ранее отработанных в разных операциях: «ловли на живца», «ультиматума» и навязанного безальтернативного выбора из двух заведомо проигрышных вариантов («вилки»).

[2] Информацию о том, что это была именно разведывательная операция ЦРУ, 8 сентября 2021 г. подтвердил телеканал CNN (со ссылкой на собственные источники в разведке США и Украины). См.: CNN: ЦРУ помогло Украине организовать операцию с задержанием 33 россиян в Белоруссии // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12325039?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 09.09.2021).

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ

Целью любой информационной операции продолжает оставаться компрометация руководства РФ (в первую очередь главы государства и лиц из его ближайшего окружения) в интересах:

1) принуждения их к совершению (осознанно или неосознанно) действий, выгодных организаторам операции (скрытое управление);

2) создания вербовочных ситуаций, способствующих возможному привлечению их к конфиденциальному сотрудничеству (это касается в первую очередь ближайшего окружения главы государства).

В свою очередь, компрометация осуществляется тремя основными способами:

– прямая компрометация конкретного лица (Президента РФ или конкретного лица из его ближайшего окружения – «друзей Путина») путём «наклеивания ярлыков», выдвижения обвинений или «ловли на лжи»;

– компрометация конкретного института власти (МИД, ЕР) с целью дальнейшей экстраполяции (перенесения) выдвинутых обвинений на Президента РФ, которому этот орган подчиняется;

– компрометация Президента РФ путём использования приёмов «ловли на приманку» или «живца» – через компрометацию лица из его ближайшего окружения, «клюнувшего на приманку» и попавшегося.

При этом операции по компрометации могут осуществляться как пассивно, так и активно. Пассивная форма компрометации осуществляется по заранее сформированному плану или программе, не подлежащим изменению и предполагающим не активное взаимодействие с объектом атаки, а только считывание и интерпретацию его ответных реакций – в компрометирующем его ключе. Именно так были построены «Панамское досье» или «Допинговый скандал с WADA». Активная компрометация обязательно включает в себя элементы оперативной игры, в которой объекта атаки выводят на эмоции и провоцируют на совершение ответных действий – как правило, панического характера, – которые затем и становятся доказательной базой для его окончательной компрометации. Особенно хорошо это проявляется, когда объект атаки, выгораживая себя, начинает врать и оправдываться. На этой лжи его и ловят.

Для компрометации объекта в современных информационных операциях используются четыре основных метода:

– «ловля на лжи»;

– «загонная охота»;

– «ловля на приманку» или «живца»;

– прямой шантаж, сопровождающийся выдвижением ультиматумов в адрес конкретного человека или страны (рис. 7).

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Рис. 7 / Fig. 7. Классификация информационных операций по используемым методам и уловкам / Classification of information operations by methods and tricks used

При этом «ловля на лжи», выступающая в качестве основного инструмента обвинений представителей руководства РФ в мошенничестве и организации международных преступных сообществ (действующих под крышей государства), часто используется в комбинации с методом травли – «загонной охоты», позволяющей каскадно усиливать эффект от «разоблачений» с каждым новым «проколом» жертвы и загонять её «по флажкам» в ловушку, из которой ей уже не выбраться, а «ловля на приманку» сразу же становится «загонной охотой», как только на приманку кто-нибудь попадётся.

Среди наиболее успешных операций, многократно использующих приём «ловля на лжи», можно указать «Допинговый скандал с WADA» (кульминационный момент – раскаяние в совершённых деяниях и публичные извинения А. Жукова), «Скрипаль-II» (после заявления В. В. Путина на Восточном экономическом форуме, признавшего факт существования Петрова и Боширова и поручившегося за них) и «Аргентинский кокаин» (после прилёта в Аргентину Н. Патрушева).

«Ловля на приманку» реализовывалась сразу по двум направлениям:

1) приманка – кокаин (возрастающие партии кокаина, перехваченные в Аргентине – Бельгии – Кабо-Верде); цель – удар по репутации (компрометация) РФ и её руководства, а также – по доходам организовавших этот канал поставки (по мнению западных разведок – это люди, близкие к руководству РФ);

2) с лета 2018 г. начинается «ловля на живца» – в этой роли последовательно выступают М. Бутина (ценный свидетель обвинения – носитель инсайда, которую затем удалось склонить к сделке со следствием), сам Скрипаль (эвакуация в Новую Зеландию – провоцирует желание найти и «дотравить»;

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

Рис. 8 / Fig. 8. Структура и характер обвинений в адрес Российской Федерации и её высшего руководства / The structure and nature of the accusations against the Russian Federation and its senior leadership

взять посланную за ним группу и сделать из них тоже свидетелей обвинения) и, наконец, летом 2020 г. – т. н. группа «вагнеровцев» (ценные носители информации – перспективны как возможные главные свидетели обвинения в случае, если начнут давать показания). Тактика действий проста: выманить (кого-нибудь из представителей руководства РФ) – задокументировать – затравить. При этом наиболее ранней попыткой использования «свидетеля обвинения» в качестве приманки (с целью организации «ловли»), возможно, был фигурант допингового скандала Родченков, на которого, возможно, хотели выманить группу «ликвидаторов ГРУ».

Наиболее успешными операциями, в которых применялась тактика «Загонной охоты», стали: «WADA» – «Скрипали-II» – «Идентификация Вагнера», в которых тактика «следования в загон» была реализована, в том числе, с навязанным объекту преследования «выбором» из двух в равной степени для него катастрофических путей следования (т. н. «вилка» навязанного выбора).

Тактика шантажа и ультиматумов, присутствующая в ряде операций («Скрипали-II», «Допинговый скандал с WADA», «Выборы в Интерпол–2018»), тем не менее, существенных результатов не принесла. Возможно, потому, что выдвижение угроз в адрес РФ и её руководства так и не было подкреплено совершением конкретных действий (кроме введения очередных санкций).

Самой продуктивной стратегией (с точки зрения формирования обвинения в совершении уголовных преступлений в национальном и международном масштабе) стала «Петля Анаконды» (рис. 8), наиболее ярко и эффектно проявившая себя в операции «Скрипали-III». Использование этой стратегии, даже несмотря на довольно скромный конечный результат третьего этапа

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

«Дела Скрипалей», показало свою перспективность и фактически открыло для современных операций информационной войны новые горизонты.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ РОССИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОПЕРАЦИЯ

В свете стремительно эволюционирующих информационных операций США [5] закономерно встает вопрос: какой именно должна быть схема российской информационной операции, способная на равных конкурировать с весьма технологически продвинутыми американскими аналогами?

Схема российской операции информационной войны, удовлетворяющая этим требованиям, представлена на рисунке 9. Структурно она состоит из четырёх этапов, включающих в себя: провокацию (1); приманку (2); разоблачение (3); прививку (4). Технологически в данной операции сочетается несколько приёмов: рефлексивное управление (путём провоцирования противника на совершение немедленных ответных действий); «ловля на приманку»; публичное разоблачение «клюнувших на приманку» и, наконец, «прививка», позволяющая «жертве» внутренне смириться с поражением на условиях организаторов информационной операции.

В целом тактика современных информационных операций состоит в том, чтобы «зацепить» жертву, вывести её на эмоции и заставить метаться в поисках выхода из сложившейся ситуации (или спасения). Если жертва начинает метаться, её ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и ещё сильнее сжимают «удавку» на шее; если она впадает в гнев или ярость и начинает яростно отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, её последовательно ловят на

Рис. 9 / Fig. 9. Схема российской информационной операции / Scheme of the Russian information operation

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на условиях «загонщика». На это и рассчитана провокация – первый шаг российской модели информационной операции. Её цель – мобилизовать жертву атаки, сфокусировать её внимание на угрозе и лихорадочном поиске её источника. При этом допускается серия из нескольких последовательных (тестирующих) провокационных вбросов, прощупывающих объект атаки с разных сторон. На одну из этих провокаций будущая жертва атаки обязательно «поведётся».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что гипотеза, выдвинутая в начале данной статьи, в целом подтверждается: информационные операции с течением времени действительно меняются. В каком направлении движется эволюция информационных операций?

1. Уход от лобовых атак. Объект атаки компрометируют путём расставления ловушек на его ближайших друзей, соратников, доверенных лиц, а также их близких доверительных контактов. При поимке и разоблачении контактов из ближайшего окружения Президента РФ вскрывается и легализуется компрометирующая информация и на него самого. При «зацепе» людей из ближайшего окружения на каждого из них формируется досье, способное в перспективе подкрепить собой предложение о конфиденциальном сотрудничестве. Прямая (примитивная) компрометация, осуществляемая путем вброса компромата любого типа (например, свидетельствующего о совершении финансовых преступлений – как в «Панамском досье»), ушла в прошлое.

2. Принуждение жертвы агрессии к совершению немедленных активных ответных действий. Практика стимулирования объекта атаки к совершению немедленных («реактивных») ответных действий прямыми обвинениями и ультиматумами уступает место практике выдвижения обвинений:

а) «главными свидетелями совершения преступлений»;

б) «незаинтересованной третьей стороной» – как правило, журналистами-расследователями. Им больше верят.

3. Формирование доказательной базы (для будущего трибунала). Главный объект атаки травят и обкладывают, как медведя в берлоге, постепенно сжимая удушающее «кольцо анаконды» вокруг его шеи. В юридическом плане задача операций – вскрытие «противоправной деятельности» («политические убийства, транзит кокаина, отмывание доходов, наёмничество» и т. д.) объекта атаки, документирование и формирование доказательной базы для последующего выдвижения в его адрес обвинений в совершении конкретных уголовных преступлений (в момент «сборки»); отдельные

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА
К НАЧАЛУ СТАТЬИ

операции служат только для отработки фигурирующих в деле отдельных же криминальных эпизодов, версий или гипотез.

3. Синтез финального обвинительного заключения. Осуществляется в самый последний момент, неожиданно для противника путём «сборки» (как в конструкторе) частных обвинений, выдвинутых и отработанных следствием в отдельных эпизодах, в одну взаимоувязанную «историю» (версию), формирующую целостную картину криминальной деятельности самого субъекта и его ближайшего окружения, организовавших для осуществления этих целей организованное преступное сообщество (транснациональную преступную группировку).

3. Шантаж и ультиматумы. Превращаются в инструмент публичного унижения и сведения счетов, «публичной порки», а также демонстрации бессилия объекта шантажа, неспособного что-либо предпринять в ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцева С. Б. Анализ атаки на «мягкую силу» в условиях информационной операции // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru (дата обращения: 20.11.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1038
2. Евстафьев Д. Г. Гибридные войны как инструментарий геоэкономической трансформации современного мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru (дата обращения: 20.11.2021).
3. Конышев В. Н., Парфёнов Р. В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
4. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 480 с.
5. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 636 с.
6. Петренко А. И. К вопросу о нейтрализации замыслов психологических операций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru (дата обращения: 20.11.2021)
7. Слипченко В. И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
8. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics [Электронный ресурс] // Russia in Global Affairs. 2019. № 2. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrup (дата обращения: 20.11.2021).

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

REFERENCES

1. Burtseva S. B. [Analysis of an attack on "soft power" in the context of an information operation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no 4. Available at: https://evestnik-mgou.ru/ru (accessed: 20.11.2021). DOI: 10.18384 / 2224-0209-2020-4-1038
2. Evstaf'ev D. G. [Hybrid Wars as a Toolkit for the Geoeconomic Transformation of the Modern World]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: https://evestnik-mgou.ru/ru (accessed: 20.11.2021).
3. Konyshev V. N., Parfenov R. V. [Hybrid Wars: Between Myth and Reality]. In: *World economy and international relations* [World economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
4. Manoilo A. V. *Informatsionnye voiny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviyu* [Information warfare and psychological operations. A guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2018. 480 p.
5. Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoi voiny* [State information policy in the context of information and psychological warfare]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2020. 636 p.
6. Petrenko A. I. [On the issue of neutralizing the intentions of psychological operations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: https://evestnik-mgou.ru/ru (accessed: 20.11.2021).
7. Slipchenko V. I. *Voiny shestogo pokoleniya. Oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego* [The war of the sixth generation. Weapons and military art of the future]. Moscow, Veche Publ., 2002. 384 p.
8. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. In: *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 2. Available at: https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrup (accessed: 20.11.2021).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.09.2021

Статья размещена на сайте: 08.12.2021

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Andrey V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. Эволюция информационных операций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A. V. Evolution of information operations. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

К СОДЕРЖАНИЮ НОМЕРА

К НАЧАЛУ СТАТЬИ